

РЕЦЕНЗИИ

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.

Господствующее представление о языке, о том, какие его стороны и свойства наиболее важны для изучения, — все это характеризует парадигму лингвистики *his et tunc*, направляя деятельность лингвистов и навязывая им определенные образцы научной деятельности, осознаваемые в методологической рефлексии как «правильный метод». Как всегда в науке, представление о предмете несет в себе в законсервированной свернутой форме рекомендацию метода. Историк науки описывает происходившую смену парадигм, методолог — проектирует новую парадигму, призванную сменить устаревшую или исчерпавшую свои возможности. Ю. С. Степанов ставит перед собой не историческую и не методологическую (хотя в книге отражены и историко-научные, и методологические моменты), но философскую задачу: установить закономерность смены лингвистических парадигм, связанную с многоаспектностью (многомерностью) предмета лингвистики. Эта задача трудна и неблагоприятна. Вместо того, чтобы (как это сделал бы методолог) определить на карте лингвистики тропы, позволяющие углубиться в видимые трудности и преодолеть их, автор показывает как бы фотоснимок из космоса, на котором хорошо видно общее расположение предметов, пути, проложенные исследователями, но не различимы еще не пройденные в зарослях тропы, по которым следует отправиться в путь сейчас. Можно даже понять разочарование какой-то части читателей из-за того, что остались напрасными их ожидания узнать нечто конкретное о новых подходах в исследовании языка. Дело в том, что в лингвистике существует пресуппозиция: в книге, обсуждающей природу языковой деятельности, должны содержаться методы, при помощи которых сегодня, по мнению автора, следует изучать эту действительность, а также образцы применения этих методов. Рецензентам нарушение Ю. С. Степановым этой пресуппозиции представляется одним из свидетельств достоинств книги, оказавшейся не методологической, а философской — исследующей не сам язык,

но смену точек зрения на него, или, точнее, познавательных установок. Оказалось, что при всем различии этих установок, акцентирующих те или иные аспекты (или измерения) языка, в них обнаруживается глубинное единство, связанное в конечном счете с единством предмета изучения. На уровне «микропарадигм» или, точнее, последовательно провозглашаемых научных программ найти системное единство было бы затруднительно. Происходящее на этом уровне скорее напоминает смену мод: в области формализации, дистрибуции, трансформации и т. д. Единство обнаруживается с переходом на уровень лингвистического мировоззрения или, по словам автора, «философии языка». В смене семантической, синтаксической и прагматической парадигм усматривается последовательный переход от «философии имени» к «философии предиката» и, далее, к «философии эгоцентрических слов». Слово «философия» в кавычках примесивается метафорически, означая, скорее, онтологическую схему. Но изучение закономерностей смены этих «философий», их связи с представлением о том, что есть знание о языке и что есть процесс лингвистического познания, открытие их сверхпарадигмального единства и сделанный прогноз о предстоящем возвращении к новому витку спирали — все эти вопросы философские (уже без всяких кавычек).

По сути дела в книге ставится и определенным образом решается вопрос: как возможна лингвистика? Отсюда неслучайным оказывается постоянное обращение автора к истории философской мысли. Неслучайно и обращение к вопросам поэтики. Каждой лингвистической парадигме автор ставит в соответствие некоторые направления в поэтике. А

Выходя за пределы привычных междисциплинарных границ постижения языка в различных сферах человеческой духовной деятельности (науке, философии, искусстве), книга Степанова ставит своей задачей определить «некоторые типичные отношения к языку, образующие исторические периоды, „стили“, или „парадигм

мы", мышления в науке о языке, философии, искусстве слова от античности до наших дней» (с. 2), и установить закономерности их возникновения и развития. Сам автор относит круг рассматриваемых им проблем к особой междисциплинарной области, именуемой по-разному, — как «философские проблемы языкознания и семиотики», «языковые проблемы философии» или «философские проблемы языка» (с. 6—7). Эта область исследования, посвященная осмыслению сущности и предназначения языка, его онтологической природы, называется иногда также «философией языка» и понимается как раздел философии или науки в зависимости от избираемого ракурса рассмотрения тех или иных проблем и средств их разрешения. Ю. С. Степанов предпочитает, однако, использовать термин «философия языка» не в этом значении, а как синоним к термину «парадигма», под которой он понимает господствующий в конкретную историческую эпоху взгляд на язык и на общие принципы его устройства, тесно связанный с определенным философским течением и направлением в искусстве.

Основная методологическая сложность в решении поставленной Ю. С. Степановым грандиозной задачи построения типологии «философии языка» (с. 3) характерна для любой ситуации сопоставления концептуальных образований. Она касается проблемы соизмеримости. Ситуация в данном случае предельно усложняется в связи с тем, что речь идет не только о сопоставлении взглядов на язык, эксплицированных из разных теоретических систем в пределах одной дисциплины (например, лингвистики), но о сопоставлении различных пониманий языка из разных сфер человеческой деятельности — философии, науки (лингвистики, логики), искусства (поэтики). Автор достигает гомогенизации сопоставляемых взглядов на язык, избрав в качестве теоретической призмы для ретроспективного описания пониманий языка в этих сферах семиотическое представление языка в трех измерениях — семантики, синтактики и прагматики (дектики), в которых язык равномерно разворачивается в своем реальном бытии. «Семантика имеет дело с отношениями знаков к тому, что знаки обозначают, к объектам действительности и понятиям о них. Синтактика — с отношениями знаков друг к другу. Прагматика (дектика) — с отношениями знаков к человеку, который пользуется языком» (с. 3).

В первой главе книги рассматривается семантическая парадигма, по существу возникшая до конституирования лингвистики как научной дисциплины в связи с философским обсуждением природы языка. Автор справедливо подчеркивает ощущаемое самими представителями этой

парадигмы, длившейся более 1000 лет единства проблематики и общее чувство единства бытия, которым пронизаны все рассуждения в философии имени (с. 11). Три основные черты выделяет автор в этой парадигме: 1) понятие имени как исходная точка, 2) доминирование над всеми понятиями понятия сущности, 3) иерархическое строение создаваемых концепций и значимость понятия иерархии (с. 12). Отсюда уже видно, что многие концепции, считаемые в наши дни семантическими, к семантической парадигме отношения не имеют, ибо не обладают ни одной из указанных выше черт. Семантика в этих концепциях проявляется через средства, типичные для синтактики. Семантическая парадигма начинается с Платона и Аристотеля, проходит через всю схоластику и кончается в XVII в. В этой парадигме мир выглядит как совокупность устойчивых вещей, размеренных в чистом пространстве, а имя открывает путь к постижению сущности (с. 13). Обнаруженное противоблаждение собственных и общих имен привело к идее сигнификации, открытой в схоластике как принцип «*Singularia nominantur, sed universalia significantur*» («Единичное именуется, а общее означивается»). Здесь можно усмотреть исток позднейших построений Г. Фреге и А. Черча (с. 16). Ю. С. Степанов показывает, что образование общих имен до сих пор составляет нерешенную проблему (с. 17). Подробно разбирается концепция языка Аристотеля, выражаемая у него как учение о сущности и других категориях. Показывается, как в системе Аристотеля возникает предикация и классификация предикатов на собственные признаки, определения, роды и приходящие (аксидентные) признаки. В средние века остро ставится проблема универсалий, которая породила философскую проблему общего и отдельного. Очень интересно рассмотрение взглядов на язык и значения Николая Кузанского, прежде всего идеи «некоптерастных» (не выражимых через оппозицию) значений (с. 52—53). Интересно, что именно от Николая Кузанского идет и принцип определения значений через противопоставления, гипертрофированный впоследствии Ф. де Соссюром и структурализмом.

В рамках главы о «философии имени» уместно и интересно выглядит изложение взглядов А. Ф. Лосева, выраженных в его одноименной монографии. В частности, интересны и актуальны сегодня соображения А. Ф. Лосева о «логике эйдоса» или диалектике, в которой привычный для логики закон обратного отношения объема и содержания понятий меняется на противоположный.

Аналогом семантической парадигме ав-

тор считает символизм как поэтику имени. Как и в дальнейших аналогиях лингвистических парадигм и направлений в поэтике, здесь нам представляется более важной именно постановка вопроса и обоснование наличия аналогии, а не сама предлагаемая аналогия.

Вторая глава посвящена философским проблемам языка в XVII в., характеризуемому как межпарадигматический период. Автор имеет при этом в виду, что в данный период продолжала существовать философия имени, но наряду с ней возникли работы по искусственным формальным языкам (Декарт, затем Лейбниц), получившие свое естественное завершение в «философии предиката». Идея Декарта, выраженная в письме к аббату Мерсенну, состояла в том, что создание грамматики без исключений обеспечивает простое пользование языком с помощью словаря. К этому предлагается добавить способ образования исходных слов. Изобретением искусственного языка занимался и Ньютон. Ю. С. Степанов видит роль Б. Спинозы как первой крупной фигуры будущей парадигмы предикатов и, одновременно, как создателя гипотезы о языке в промежуточном мире, стоящем между действительностью и сознанием. При этом в некотором отношении Спиноза еще остается «философом имени». Однако, с другой стороны, Спиноза рассматривает атрибут как сущность субстанции. Здесь сущность уже понимается как «пучок атрибутов», как это будет общепринято в «философии предиката» (с. 107).

К межпарадигматическому периоду автор относит и период XVIII — первая половина XX в., рассматриваемый в третьей главе. Как доминирующие линии этого периода указываются: 1) выработка исторического взгляда на язык; 2) рассмотрение некоторых черт языка как логических констант содержания мышления. Здесь открывается противопоставление исторического и логического взглядов на язык, которым еще предстоит слиться в логико-философской парадигме середины XX в. (с. 114).

Четвертая глава посвящена синтаксической парадигме (которую автор начинает с изложения взглядов А. Бергсона), четко выразившей мысль о текучести, изменчивости тех объектов, которые ранее считались устойчивыми вариантами мира. Основой познания становится не сама вещь, а пучок ее свойств. Изменение свойств превращает вещь в нечто иное (с. 124). Уместно приводимое в этой связи сопоставление указанной парадигмы с физическими представлениями А. Эйнштейна (с. 125). Событие оказывается исходным фактом бытия; претерпевает изменение центральное понятие предыдущей парадигмы — сущность, к которому «филосо-

фы предиката» испытывают «непреодолимое отвращение» (с. 128). Сами «приписываемые денотатов и значений... путем установления абстрактного соответствия» (с. 128—129) исследуются теперь синтаксическим способом. Автор отмечает, что «...разработка синтактики... была связана с открытием в недрах семантики не вполне семантической категории — Предиката» (с. 129). Автор показывает роль Б. Рассела в формировании предикативной парадигмы и его близость к Э. Маху, от которого он, однако, вместе с другими сторонниками логического позитивизма решительно отмежевался. Любопытно обнаружение истоков «философии предиката» в категориях стоиков. Вообще «от концепции стоиков пролегает путь к номинализму... Оккама и, через его посредство, к англосаксонской „лингвистической философии“ нового времени...» (с. 142). Надо отметить неточность автора на с. 164: в предложениях типа «А считает, что р» подстановка не только выражений с общим экстенционалом, но и с общим интенционалом может изменить значение истинности. По крайней мере это обстоятельство удалось выяснить Р. Карвану. В пределах той же главы обсуждается тезис «значение есть употребление» (с. 174). Идея задавать значение через дистрибуции — типичная реализация этого тезиса. Автор отмечает, что в последнее время некоторые философы языка снова стали склоняться к пониманию значения (интенционала) как «латентической сущности» «вроде числа» (с. 177), а не просто характеристики словоупотребления. В качестве «синтаксических поэтик» автор приводит кубофутуристов и имажинистов. Однако более интересным является разбор поэтики «человека без свойств», выросшей из идеи, что вещь есть лишь совокупность свойств.

В качестве еще одного парадигматического периода автор называет феноменологию Гуссерля и его последователей (см. гл. 5). Среди важнейших нововведений Гуссерля автор отмечает выдвижение понятий интерсубъективности и прозрачности знака. Последнее состоит в том, что, рассматривая вещь через знак, мы не видим самого знака и его свойств.

Наконец, шестая глава посвящена характеристике прагматической парадигмы, которая «поставила в центр внимания координату „Я“, рассматривая ее как необходимую основу для всего остального» (с. 217). Истоки этой парадигмы автор усматривает в литературе, где расслоились позиции рассказчика, автора и т. д. Примеры такого расслоения обнаруживаются у Ибсена, Достоевского, Кьеркегора, Пруста, Т. Манна, Ф. Кафки и др. Формальным выражением такого воззрения на язык явились так называемые

грамматики Р. Монтего. Автор отмечает, что даже собственное имя зависит от употребления, т. е. положения говорящего относительно слушающих. Разумеется, любые предложения о мнениях (вере, убежденности и т. п.) принципиально являются эгоцентрическими выражениями, т. е. связаны с координатой «Я». В этой парадигме язык соотносится с субъектом говорения, а все понятия релятивизируются относительно субъекта. В качестве примера коррелирующей с изучаемой парадигмой поэтики рассматриваются особенности повествования в романе Горького «Жизнь Клима Самгина».

В книге подчеркивается наличие инвариантов — «философских констант языка» (с. 7), присущих всем парадигмам во все времена. Такова идея правильности имен, спор о которой начал в «Кратиле» Платона. У Платона имя связано с сущностью вещи, ее эйдосом, и только поэтому способно именовать разные проявления этой сущности. Но ведь наследие этой идеи можно обнаружить и в семантических параметрах, и в семантических надеждах. Идея двух языков — правильного и окказионального (для сущностей и явлений), теория двух языков Пор-Рояля и т. д. — дожила в лингвистике вплоть до сегодняшних споров о формализуемости и окказиональности языка, объяснительной силе логических моделей. Надо подчеркнуть, что из книги Ю. С. Степанова отчетливо видна вся надуманность споров о взаимоотношении логики и лингвистики. Эти оппозиции мало принципиальны, поскольку при смене лингвистической парадигмы аналогичное изменение происходит и в сфере логических интересов. Так, переход к прагматической парадигме оказался неотъемлемым от появления в логике моделей Крипке с их набором возможных миров и рафинированных модальных, временных и прочих «неклассических исчислений» в логике. Подобно этому силлогизмы Аристотеля не используются в предикации, но основаны на соотношении родовых имен и видовых сущностей, т. е. деликом принадлежат семантической парадигме.

Развитое в книге представление о единстве всех трех подходов к языку резюмируется в последней главе как «Общая картина языка в свете этапов (парадигм) его познания». Автор последовательно строит три эскизные модели языка — язык, обладающий только семантикой, язык с семантикой и синтактикой и язык с семантикой, синтактикой и прагматикой. В связи с этими моделями иллюстрируются возможные поэтики. Из этих моделей видно, как происходит последовательный переход ко все более сложному и адекватному представлению о предмете лингвистики, по-разному раскрывающемуся в последовательных парадигмах и межапарадиг-

мальных состояниях лингвистики. В некотором смысле эти модели выражают взгляд автора на то, как должна развиваться лингвистика.

Сложную задачу в изучении генезиса концентуальных систем и их становления составляет определение причин появления их в определенную историческую эпоху и установление закономерностей их существования во времени. Всякий процесс познания, в том числе и процесс постижения языка, как известно, детерминирован двумя началами: объективным, идущим от особенностей строения объекта, и субъективным, определяющимся во многом уровнем развития общественного сознания конкретной исторической эпохи, когда осуществляется это познание. Сосредоточив свое внимание преимущественно на первой стороне, Ю. С. Степанов в своей книге только намечает вторую линию исследования, говоря о связи парадигм с определенными стилями мышления в науке и стилями в искусстве. Можно предположить, что закономерность появления определенных «философий языка» непосредственно связана со «стилеобразующим сознанием» исторической эпохи как целостности умонастроения и миропонимания, пронизывающей собой все сферы человеческой деятельности и налагающей свою печать на продукты культуры [4]. Объем книги не позволил автору остановиться на этой линии исследования подробно. Книга Ю. С. Степанова, в которой сквозь призму семиотики прослеживается история формирования взглядов на язык, глубоко исчерпав внутреннюю резервы семиотического подхода к языку, подводит читателя косвенным образом к вопросу о границах семнологической трактовки языковой онтологии. Тот факт, что при заключительной схематизации основных проблем изучения языка у автора не было необходимости упоминать проблематику «межапарадигмальных глав», свидетельствует не только, как справедливо отмечает автор, о более важной роли парадигм по сравнению со взглядами межапарадигмальных периодов (Декарт, Лейбниц, Кант, Гегель, Гуссерль), но и, возможно, наводит читателя на мысль об известной узости семнологической призмы при ретроспективном изучении «философии языка».

Книга Ю. С. Степанова при всем богатстве своего содержания представляет огромный интерес и в методологическом плане. В ней нашли свое отражение две важные тенденции современного познания — тенденция к рефлексии (самопознанию) в науке (критический анализ форм и оснований той или иной науки) и тенденция к интеграции, формированию целостного взгляда на познаваемую действительность. Преодолевая узкие междисциплинарные барьеры при изучении

языка, она открывает новые пути постижения языка в его целостности.

Постовалова В. И., Шрейдер Ю. А.

1. *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки. М., 1980. С. 7.

Историческая типология славянских языков. Фонетика, словообразование, лексика и фразеология. /Под ред. Мельничука А. С. Киев: Наукова думка, 1986. 286 с.

Размах сопоставительных исследований самого разного типа, характерный для современной лингвистики, в значительной степени компенсировал былую диспропорцию между традиционным сравнительно-историческим методом и типологией. Вместе с тем такая компенсация шла по линии разработки прежде всего синхронического аспекта сопоставления. Единство синхронического и исторического подходов, характерное для лингвистической типологии начала XIX в. — времени ее зарождения, — к сожалению, дифференцировалось преимущественно в первом направлении. Конечно, отдельные работы по типологии близкородственных языков появлялись и прежде, однако лишь в последние два десятилетия начинают разрабатываться (причем в основном советскими языковедами) принципы исторической типологии, методологически отличные от принципов типологии синхронической.

Немало в этом направлении сделано украинскими учеными, особенно сотрудниками Института языковедения АН УССР, где ведется фронтальное сопоставление славянских и неславянских языков на самых различных уровнях, составляются многочисленные двуязычные словари и большой этимологический словарь украинского языка, вырабатываются теоретические концепции сопоставительных исследований. Не случайно поэтому, что первая попытка монографического обобщения принципов исторической типологии — рецензируемая книга — написана именно коллективом исследователей этого Института. Распределение труда при написании книги отражает научные интересы и многолетний опыт ее авторов: В. Т. Коломиец написана глава «Фонетика», раздел «Фонематика», часть раздела «Просодика»; разделы «Имя существительное» и «Имя прилагательное» в главе «Словообразование», Т. Г. Линник — глава «Лексика», Т. Б. Лукиной — раздел «Имя числительное». А. С. Мельничуком глава «Введение. Основные направления типологических исследований» и два подраздела «Словообразовательные типы глаголов, мотивированных именными частями речи» в разделе «Глагол», Г. П. Пивторак часть раздела «Глагол», В. Г. Склад-

ренко часть раздела «Просодика», посвященные ударению и интонации, В. А. Ткаченко раздел «Наречие», О. Б. Ткаченко глава «Фразеология».

Известно, что коллективные монографии нередко оказываются «полиграфиями» из-за того, что каждый автор поневоле запечатлевает в ней свою научную индивидуальность. Этого не происходит лишь тогда, когда коллективное исследование с самого начала проводится на базе единой и цельной концепции, по единому и продуманному плану. Именно таким исследованием и является рецензируемая монография. Здесь во всем чувствуется провидательный взгляд и твердая рука ее редактора — А. С. Мельничука.

Во Введении А. С. Мельничук дает компактный обзор основных направлений типологических исследований, подчеркивая центральную позицию лингвистической типологии в общей системе языкознания. Концептуальный лейтмотив книги — мысль о противопоставленности историко-типологического сопоставления синхронно-типологическому, при акцентировке промежуточного положения первого. «Историческая типология близкородственных языков предлагаемого характера, — подчеркивает А. С. Мельничук, — представляет собой особое направление в изучении языка, промежуточное между общей типологией языков и сравнительно-историческим языкознанием. Развиваясь на стыке этих двух направлений лингвистического исследования, историческая типология родственных языков выступает как результат их методологической интеграции; от общей типологии она заимствует метод сопоставления структурно соответствующих фактов разных языков, от сравнительно-исторического языкознания — историко-генеетическое освещение сопоставляемых фактов» (с. 18). Такой подход позволяет соединить каждую конкретную типологическую характеристику с ее диахроническим толкованием и тем самым наполнить типологию родственных языков историческим содержанием, максимально освещающая исторические судьбы формирования того или иного типа родственных языков во всех его инвариантах или вариантах.

Понятно, что такой подход возможен